

впервые увидела церковь. На Сахалине же церквей нет, японцы не строили наши храмы. И вот она увидела церковь, крест на фоне неба. И страшно испугалась. А потом, на съемках у Хотиненко — там была ассистент режиссера, девочка такая набожная, и они с Ленкой как-то сошлись, и Ленка... созрела. Она крестилась в Коломенском, для нее это был большой праздник. Потом у нее были периоды, когда она очень часто в церковь ходила, а потом — периоды, когда она там не показывалась месяцами. Говорила: «Не хочу. Не могу. Нет времени...» В церкви ее отпевали. Батюшка объяснил, что, с христианской точки зрения, это самоубийством считаться не может, раз она потом бежала и кричала: «Помогите!» — значит, она приняла смерть не желая того. Хотя как-то все сошлось в тот момент: у нее были какие-то конфликты с Пьянковой, режиссером, у которой она тогда снималась в фильме «Странное время», этот таймшер дурацкий — им там в последний момент отказали, они не смогли поехать куда хотели... «Три сестры» у нее сложно шли... И еще она незадолго до этого узнала, что ее отца парализовало. Но все-таки это не было самоубийством. Какое-то жуткое состояние аффекта, наверное.

Наталья Пьянкова, режиссер:

— Я предложила ей сценарий, там история: ресторанный девушка, не проститутка, а просто скучающая такая дева, встречается мальчика, с виду крутого, но очень юного, лет двадцати трех. И влюбляется в него с первого взгляда. Они идут в постель. И в них ничего не получается, потому что он девственник. При всей своей крутизне. И он уходит, а она его любит — внезапно так, как никого не любила. Оказывается, всю жизнь только этого мальчика ждала. Такая вот постаревшая Ассоль. Я мечтала о том, чтобы Лена согласилась. Мы с ней до этого не встречались и, впервые увидев друг друга в ресторане Дома кино, проговорили часа два: она рассказывала о том, как она своего мужа, Сережу, полюбила с первого взгляда и как актер, который должен был играть ее героя, похож на Шерстюка в молодости. Она меня потрясла такой откровенностью и... абсолютной какой-то неспорченностью. А потом, когда началась работа, было очень сложно. Она отказывалась играть ту роль, которая была. Играла какую-то свою. И никак не могла понять, почему ей необходимо раздеваться, сниматься обнаженной... Были моменты, когда мы с ней разбегались, не сказав друг другу даже «до свидания», и вся съемочная группа нас мирила. Я знаю, она с Сережей советовалась, продолжать ли ей сниматься или нет. И сценарий он читал... В конце концов ей понравилось то, что получилось. И она обиделась страшно, когда на «Кинотавре» ей не дали приз за лучшую женскую роль, хотя должны были дать, по всем приметам. В конце она уже знала (все же все заранее знают на таких фестивалях!), что не дадут. Пришла в зал в красном платье и с семечками. Села в первом ряду и грызла семечки. Никто подумать не мог, что это будет ее последняя роль и последний фестиваль. Бред какой-то.

Лидия Васильевна, мама Лены:

— Отца парализовало за несколько месяцев до того, что с Леной случилось. Соседи дали телеграмму на театр, чтоб она выехала. Я соседку отругала: «Чего тебе надо, ты ж ее погубишь!» Лене по телефону сказала, что отцу уже лучше, даже приукрасила. А накануне того, как Лена... отец утром говорил, что ему сон привиделся: ему сказали, что он себя должен ежеч. Он отказался.

Шерстюк пытался делать вид, что он это переживает. Иногда ему это удавалось, особенно на людях, на короткое время.

Некоторые даже удивлялись, как он может каждый день ходить по тем же ступенькам, по которым она сбегала, вся в огне, и на которых остались подпалы. Он не мог, но ходил. Пытался работать. Писал картины, на которых были огромные фрукты, озаренные солнцем, но тронутые гнилью. Серия называлась «Я это ел». Он начал ее еще до того, как все случилось. Гета говорил ему: «Написано классно, но зачем тебе эта патология?» Шерстюк отвечал: «Но те, кто думает, должны понять, что привкус смерти придает вкус жизни». Эти беседы велись еще до. После Гета пытался ему объяснить, что жизнь должна продолжаться. Говорил: «Ну... может, давай как-нибудь взбодримся?» И Жолобов говорил, и все остальные. А он отвечал: «Старик, ну ты ж понимаешь...» Писал в дневнике письма Лене и не снимал обручального кольца с правой руки. Ему хотелось продолжать общаться с ней и не хотелось ни с кем больше. Он думал и даже говорил кому-то из тех, кто был рядом: «А если б у нее был другой муж? Какой-нибудь режиссер, например, такой... личный, чтобы он Ленкой занимался как своей профессией. Чтобы он ставил не пьесы с ней, а всю ее жизнь. Может быть, он сделал бы другой финал».

Через два месяца после того, как Лена погибла, Сереже поставили диагноз: рак желудка. Один врач сказал Жолобову и Гете: «Он обиделся на судьбу, понимаете? Вы думаете, тут, — он обвел взглядом здание, обкоцонен на Каширке, — лежит больной? Нет, тут лежат обкоцоненные. Как развивается у людей, которые обиделись смертельно — на жизнь, или на родственников, или на начальника... Этот дом так и называется — «дом обиженных». И повторил: «Вашего друга лично чем-то обидела судьба».

Он в свой диагноз не верил до конца, а может быть, и не знал. По крайней мере, при нем это слово старались не произносить и никому постороннему не сказать, чтобы не душили сочувствием. Дома, в комнате, где он лежал, стоял мольберт, был натянут холст, он смотрел на него и говорил Гете: «Ничего, скоро я нарисую на нем что-нибудь. Пока сил нет, но ведь будет... Я тут, пока валялся, столько понял...» И говорил так уверенно, что сомневаться не хотелось. Друзья собирались отправить его в лечиться в Америку. Там его бывшая одноклассница и первая любовь Ксения сняла для него дом под Нью-Йорком, на свежем воздухе, и нашла хороших врачей. Он собирался в Америку или на дачу... А врачи говорили друзьям, что пока он не перенесет перелета: низкий гемоглобин, не хватает веса. Может быть, потом.

Он умер ровно через девять месяцев после нее. Кто-то сказал: «Как будто Ленка его там выносила... Как ребенка».

А «Русская рулетка» — это еще одна серия его картин: пьянка, карты, револьверы, фрукты и иногда цветы и бабочки. Странная компания играет за столом. Когда герой — проигравшийся генерал в мундире — подносит к виску револьвер, дама в пурпурном платье стоит у него за спиной, целится в голову. Она выстрелит, очевидно, вместе с ним, и он не поймет, была ли в его пушке пуля. Если хотите, можете думать, что она Судьба, Фатум в юбке. Но, может быть, она просто выпила лишнего. Поскольку написано все в той же гиперреалистической манере, это очень похоже на правду.

Фото из личного архива Александра Холопова.

Авторы благодарят Геннадия Матвеева, Владимира Куропаткина, Марину Шиманскую и всех друзей Лены и Сережи, поделившихся с нами своими воспоминаниями

ПОМОГИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!

РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ

Бог приходит в нашу жизнь, когда мы вместе

В конце первой недели сентября, когда доллар стоил 50 рублей и исчезло подсолнечное масло, нам позвонила девушка Наташа и сказала: «Мне стыдно ходить в магазины и скупать продукты, хоть я и не такой уж богатый человек. Очень жалко пенсионеров. Ну ладно, чего рыдать, пойдем помогать людям».

Мы заканчивали номер в десятых числах сентября. Кризис свирепствовал, прилавки пустели, сбережения уплывали как дым. Но вы нам звонили, и звонков не стало меньше, чем обычно.

Друзья, мы с вами общаемся ровно два года. И вы за это время сделали хорошие вклады. Они не подлежат девальвации, они не обесценятся никогда. Потому что они работают, они уже сработали, что бы там ни случилось дальше.

Сколько всего было денег? Больше полумиллиона долларов. Только для больных ребят из Республиканской больницы вы собрали \$114 тысяч.

Еще — тысячи посылок: одежда, компьютеры, лекарства, телевизоры, швейные машинки, инвалидные коляски, книги. Был еще мотоблок, агрегат для приготовления пельменей, микроавтобус «Газель» и другие серьезные вещи.

Все они согревают, лечат, кормят. Помогают выжить мужественным людям (их, как вы, наверное, заметили, немало среди авторов писем в Фонд помощи). Мотоблок кормит семью вятского инвалида Михаила Петрова, который в одиночку содержит большую семью. Телефон спасает от страшного одиночества Лену Букурову — она в 17 лет попала в автокатастрофу, оказалась прикованной к постели, потом ей пришлось переехать из родного города Тбилиси в маленькую станицу в Краснодарском крае. Теперь у Лены друзья повсюду — от Воркуты до Хабаровска и от Краснодара до Москвы, она пишет стихи в областную газету и рассчитывает найти работу — с помощью телефона. А «Газель» возит ребятшек из больницы — иногда на прогулки, иногда на похороны. Это, может быть, звучит страшновато, но хорошо знакомый нам и вам настоятель больничного храма отец Георгий (Чистяков) автомобилью (и всему, что вы делаете для больницы) очень радуется: «Сколько спасено детских жизней, сколько возможностей открылось теперь у наших детей, таких больных и таких иногда счастливых благодаря тем, кто по велению души помогает им. Бог приходит в нашу жизнь, когда мы опираемся друг на друга, когда мы вместе».

Да, опять выяснилось, что мы напрасно волновались: несмотря на все проблемы в стране, и деньги, и посылки идут. В конце августа — сентябре нашлись средства на лечение маленького Жени Цедрика из Рязанской области (2500 руб.), Илюши Потеряева из Свердловской области (5500 руб. — пока только треть требуемой суммы), на голосообразующий аппарат для инвалида 2-й группы Ивана Никифоровича Калининского, на уголь для одинокой пенсионерки Анны Кирилловны Яковлевой (2000 руб.). Множество посылок отправлено в Архангельскую область — четырем девочкам, которые остались жить с папой. А еще раньше вы успели помочь Галине Городничевой приобрести аккумуляторы к инвалидной коляске, направили Надежде Талашенко 17 750 рублей на лечение дочери, помогли деньгами и вещами семьям Юрия Ивановича Зайца и Галины Жулановой (обе семьи пострадали от пожаров). Направили в Центр сердечно-сосудистой хирургии им. Бакулева 15,8 тысячи рублей на операцию двухлетнего волгоградца Игорька Голицына и 7700 рублей в Татарстан на лечение двухлетнего сына Валентины Савенковой. А в Республиканскую детскую больницу от вас поступило \$5000 — на медикаменты для тяжелобольной девятилетней Наташи Нагуськиной. Список летних добрых дел ве-

лик, деньги и посылки были отправлены многим людям, попавшим в беду: Ларисе Любушкиной, Ирине Вольтер, Гузели Кутлубулатовой, И. И. Скоропуловой (Новосибирская область), М. Ф. Матвеевой, Людмиле Латохиной, Валентине Мартыновой, многодетным мамам Татьяне Лымарь и Любове Максимовой, Алле Боярской, Марии Алексеевне Урванцевой, Галине Исуповой и Ивану Сапрыкину. Дай вам Бог здоровья, добрые люди!

Для тех, кто не читал предыдущие выпуски журнала

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года. Он действует как посредник между людьми, которые оказались в беде, и людьми, готовыми им помочь. Фонд получает письма, тщательно их проверяет, мы эти письма ежемесячно публикуем (публикации начались в октябре), а вы звоните в фонд, получаете адреса тех, кого хотите поддержать, и дальше действуете самостоятельно.

Услышала о Российском фонде по радио (для меня это единственный источник информации) и, как утопающий хватается за соломинку, пишу к вам. Будучи инвалидом второй группы, одна воспитываю двоих детей-школьников. Моей пенсии в 355 рублей не хватает даже на питание. Детские пособия два года не платили, а нынче стали отоваривать хлебом, по булке в день. Других доходов у нас нет. Состояние здоровья не позволяет мне трудоустроиться. И чтобы мои дети росли в семье, а не в детдоме, собираю милостыню. Помогите нам, пожалуйста. Очень прошу в моей просьбе не отказать, за что заранее благодарна. Матвеева М. Ф., Красноярский край

«Хорошая семья у Марии Федоровны, — заявил нам после проверки письма Матвеевой заместитель начальника краевого управления соцзащиты Юрий Егоров, — дети послушные, хорошо учатся. Ей сейчас очень трудно, одна надежда: ребята закончат школу и найдут работу». А пока дочь Матвеевой перешла в 11-й класс, сын — в 10-й. Девушке нужна одежда 48-го размера и обувь 38-39-го, а юноше одежда — 48-50-го, третий рост, обувь — 43-го размера.

Пишу, хотя и понимаю, как мало надежды на понимание. Я руковожу городским центром соцпомощи, и помогать таким, как Сережа Аксенов, — моя прямая обязанность. Но что делать, если городок наш дотационный, единственная шахта вот-вот закрывается и казна пуста?! Участник боев в Чечне, Сергей Аксенов был уволен из армии в 1995 году в связи с ранением и ампутацией ноги, а протеза подобрать до сих пор не может. Государство изготовило ему аж два — один в Ростове, другой в Челябинске. Но пользоваться ими при такой ампутации Сергей не в состоянии. Он списался с одной фирмой в Москве, и та взялась изготовить удобный протез. Фирма уже помогла его однополчанину, у которого та же проблема. Но протез стоит \$2,8 тысячи, а весь доход Сергея — 388 руб. пенсии. Живет он с матерью и братом-школьником. Рассчитывать на нас, как вы уже поняли, ему тоже не приходится. А помочь надо! Ведь молод, толков, верит в лучшую жизнь. Ему бы только подтвердить встать на ноги! А. Н. Ядренникова, Челябинская обл.

Очень-очень слезно прошу вас оказать денежную помощь на лечение моей единственной дочери. Воспитываю Аню одна, и мне, поверьте, очень тяжело. Понимаю, таких, как я, сейчас немало, но все-таки я умо-

РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ

ляю: помогите! Диагноз у дочери страшный — ей грозит бесплодие. Два года она лечилась амбулаторно, а когда нынешней весной лежала с воспалительным процессом, то ей предложили операцию плюс послеоперационное лечение за семь тысяч рублей. При этом врачи давали положительный прогноз. На операцию 1600 рублей мы нашли, а вот на реабилитацию \$900 — не можем. Представьте, каково слышать от дочери: «Для чего жить, если у меня не будет детей?!» Ради всего святого, не откажите нам. **Полина Ивановна Баева, Алтайский край**

Проверив это письмо, заведующая отделом Алтайского комитета соцзащиты Валентина Кондратенко передала в фонд банковские реквизиты санатория «Барнаульский», где планируется послеоперационное лечение дочери Полины Ивановны. Это все, что смогла сделать г-жа Кондратенко: финансовыми резервами для Ани Баевой ее ведомство не располагает.

Наше общество стремительно разделяется на сильных и слабых, своих и чужих, бедных и богатых. И, как следствие, в людях растет нетерпимость. Но «царство, разделившееся само в себе, не устоит». Людям надо заново учиться жить вместе и уважать слабость других. Дети будут мудрее нас, на это вся надежда моих коллег. Интеграционный детский сад «Наш дом» создал маленькую модель будущего: здоровые дети и дети с проблемами в развитии здесь живут, играют и обучаются вместе. А специалисты садика помогают им преодолеть трудности роста и общения. О нас уже знают за рубежом, приезжают за опытом. Но уникальные методики требуют уникального оборудования, а средств на эти цели нет. Я совершенно случайно узнала о вашем необычном фонде и подумала: может, найдутся люди, которые финансово поддержат нас? **Директор «Нашего дома» Валентина Алексеева, г. Москва**

Как нам стало известно, семь лет назад группа педагогов и врачей образовала некоммерческий Центр лечебной педагогики. Цель — максимальная адаптация к реальной жизни детей с проблемами психофизического развития. После курса коррекции часть проблемных детей вполне способна посещать обычный детсад. Но в обычные-то их как раз не брали. И центр предложил создать «Наш дом». Муниципальные власти взяли его на свой кошт, выделив типовое здание. Здесь ежедневно играют и учатся около полусотни детишек. 20% из них — те самые проблемные дети. Индивидуальные занятия и общение творят чудеса: эти дети развиваются почти на глазах. А родители обычных ребятшек в один голос утверждают, что их чада становятся заметно добрее к окружающим и вообще взрослее. Потому что учатся помогать слабым, опекать их. «Наш дом» очень нуждается в новой мебели (столы, парты, стулья) на \$5,7 тысячи и в «законном времени» для обследования ребятшек на томографе (\$3,3 тысячи на год). Реквизиты мебельной фирмы и поликлиники есть в фонде.

Пишет вам относительно благополучный человек. Очень нужна помощь другому. Это Зоя Михайловна Журавлева из Тульской области, она одна воспитывает двух приемных детей — мальчика 10 лет и девочку 13 лет. Еще с ней вместе живут престарелые родители. Работает в местной газете корректором. Так вот, зарплату ей давно уже не платят, пособия и пенсии домашним — тоже. Я помогал ей год, правда, очень скудно. Сам живу в общежитии ВАЗа, зарабатываю полторы тысячи в месяц. Приходится постоянно помогать маме и сестре. Словом, теперь нет у меня возможности поддерживать еще и Зою. Уже год как я советую ей обратиться в ваш фонд. Не обратилась — боится, что

заберут детей. Однажды уже припугнули — это когда она попыталась получить помощь через органы соцзащиты. Ее обидели, обидели ребят. Мальчик болен какой-то нервной болезнью и только благодаря любви матери живет без припадков. Помогите ей, ради Бога. **Валерий Снегов, Самарская обл.**

По своим журналистским каналам мы выяснили, что в этом письме все правда. Вот размеры детей. Оля: одежда — 46, обувь — 37. Алеша: одежда — 44, обувь — 37. У мальчика тяжелый неврологический синдром. Нужны консультации в Москве, да на это нет денег. Тульский же психоневрологический центр реабилитации настаивает на проведении 30 лечебных сеансов для Алеши на общую сумму 4500 рублей (один сеанс — 150 рублей).

Теперь мы по традиции возвращаемся к письмам уже знакомых нам людей. Вы уже помогли этим людям, но так вышло, что им требуется еще помощь.

У нас единственный ребенок — Дима восьми лет. С 88-го по 94 год мы жили в Семипалатинской области в 80 километрах от ядерного полигона. Муж служил в авиачасти. Тогда еще производились ядерные взрывы. А потом часть расформировали, и новое место службы нам определили в Иванове. Если прежде Дима жаловался на усталость и головную боль, то потом у него резко «село» зрение, участились приступы тошноты. Обнаружилась огромная опухоль головного мозга. Мы жили как в кошмарном сне. Врачи НИИ им. Бурденко спасли ему жизнь, но мальчик остался инвалидом — правым глазом совсем не видит. Как мы его долго выхаживали, как ему было плохо, этого не рассказывать. Но теперь новая беда: у него обнаружили синдром преждевременного полового развития церебрального генеза. Показано лечение препаратом «Декапептил депо» (фирма «Ферринг», Германия). Один укол стоит \$160, необходим годовой курс, по одному уколу в месяц. Нам здорово повезло: на первый квартал деньги нашло областное управление здравоохранения. На второй квартал \$480 нам прислала читательница «Домового». А в третьем квартале мы сумели выкрутиться сами (не спрашивайте как, я и сейчас удивляюсь!). Но где раздобыть последние \$480 на октябрь—ноябрь—декабрь, я не знаю. Мы просто в отчаянье, таких денег у нас нет! **Алла Шпагина, г. Иваново**

Вот комментарий Эндокринологического научного центра РАМН к письму. «Опухоль у мальчика была незлокачественная, теперь ее нет, и Диме с этой стороны ничего не грозит, — заявила лечащий врач Татьяна Семичева. — А вот новое заболевание остановит его рост. Поэтому мы и назначили препарат, блокирующий выброс гормонов полового развития».

Здравствуйтесь, дорогие нам люди. Наконец-то Вова сделали операцию. Было два порока сердца, Вова все перенес хорошо. Послеоперационное лечение тоже прошло гладко, но мальчик очень ослаб. Теперь швы сняли и предложили пансионат. Да какое там — на это опять нужны деньги. Заберем домой. Но на лекарства и усиленное питание денег тоже нет. В колхозе мужу больше 300 рублей не дают, а председатель на курорт уехал. Поэтому я вновь, как ни стыдно, обращаюсь к вам. Если можно, помогите, пожалуйста, тысячу или хотя бы пятьюстами рублями. Дай Бог вам здоровья! **Вера Мелюхина, Пермская обл.**

Друзья! Если вы можете помочь авторам этих писем, за адресами обращайтесь в Российский фонд помощи по тел.: (095) 956-71-87. Адрес Российского фонда помощи: 125252, г. Москва, а/я 50.

ЗОЛОТОЕ МАЛЬТИЙСКОЕ ПРАВИЛО:
ВСЕ ОБРАЗУЮТСЯ

Шать мальтийских островов (сама Мальта, с ее изобилием достопримечательностей, пасторально-спокойный Гоцо, уединенный Комино, на котором постоянно живут всего восемь человек плюс один полицейский, и еще два необитаемых островка) с давних времен оказались на пересечении путей из средиземноморской Европы в Африку. Последние из колонизаторов — англичане — оставили мальтийцам в наследство по-британски основательную систему образования, подкрепленную неизменным островным благодушием и теплым климатом. Английские школы появились сразу же после того, как ушел последний корабль английского военного флота в 1979 году. Сейчас здесь действует около тридцати школ.

...В окне — море и пышный сад антенн над теснящими друг друга домами из желтого песчаника. Антенны направлены на север, к Сицилии, чтобы ловить порнографические телепрограммы (на самой Мальте с этим строго, даже журнал Playboy запрещен). На столе — учебники и ворох размноженных на ксероксе упрямлений и ребусов. А на белой доске синим фломастером написано «Shark» (акула). Наш преподаватель, седая уроженка Лондона Жани, пробежав глазами мальтийскую газету Times, начинает урок:

— Вы знаете, что к берегам Мальты приплывает рожать белоплавниковая акула, потому что тут очень теплое и спокойное море. В парламенте идут споры: консерваторы за то, чтобы ее отстреливать, а лейбористы говорят: «Каждому ребенку известно, что в последний раз акула напала на человека трид-

цать лет назад». Мы можем стать единственной страной в Средиземном море, где не отстреливают белоплавниковую акулу! Она не опасна для людей. А вы что об этом думаете? — Наверное, придется отстреливать, но тогда будет страшно купаться! (Первыми, как всегда, поддерживают английскую беседу общительные немцы Кристин и Марко.)

— Но можно поставить сети, чтобы она не заплывала на пляжи, хотя это, наверное, дорого, — тихо возражает интеллигентный итальянец Лука.

— Зачем жалеть деньги, мало ли что будет: если одну акулу убьют, потом их приплывет целая стая, они будут на всех нападать. (Это легко включается в беседу десятилетний русский мальчик Женя, уже вполне загорелый и освоившийся).

Вот так мы и учимся. Занятия, как здесь повсюду принято, проходят в форме общения, и даже грамматика движется легко — с диалогами и импровизациями. Наш стандартный курс занимает три часа в день. Ангузиасты берут еще час-два индивидуальных занятий после обеда. Но нас интересует не только язык, но и вся Мальта, так что после сиесты мы спешим к новым впечатлениям. Первое впечатление было такое: тут все карликовое, маленькое. Невысокие благодушные люди. Маленькие машины — старенькие, давно позабытые в Европе модели пежо и фиатов. Домшники песочного цвета сверху похожи на россыпь спичечных коробков. Крошечные лодки с миниатюрными веслами колышутся у берега.

Потом, правда, выяснилось, что на маленьких машинах мальтийцы ездят днем, когда мало места для парковки, а вечером